День первый

Вечером во вторник дорога из офиса домой была особенно длинной.

Началось все с того, что я зарулил в торговый центр, где долго выбирал кеды. В итоге купил их за тысячу рублей. Точнее за девятьсот девяносто девять. В магазине «Kentro» проводилась акция, на ряд моделей цена была значительно снижена до конца месяца. Это-то меня и зацепило.

Затем решил отметить покупку. Поднялся на третий этаж. Там находился так называемый фудкорт. Здесь я заказал себе пиццу и пиво. Сел за столик. И тут же ко мне подошел какой-то мужик, видимо, со своим сыном, маленьким жирным мальчиком лет десяти. Указывая на пустой стул, мужчина спросил:

— Здесь свободно?

— Ну да, — ответил я.

Он тогда сказал своему отпрыску:

— Посиди пока здесь.

Мне не хотелось такого развития событий, но я не был хозяином здесь.

Я ел пиццу, запивал ее пивом, а пацан пялился на меня. Я так и чувствовал на себе его острый взгляд. Озарило понимание, что я окончательно замшел в своем одиночестве. Я уже сильно привык есть один. И спать один. И сейчас я чувствовал себя не в своей тарелке.

Этот жирный пацан продолжал молчаливо гнуть свою линию — не отрывал глаз от меня. Может, хотел, чтобы я поделился с ним пиццей «Шмарио» с сыром и колбасой?

Наконец я доел и допил, встал, двинулся прочь. И еще шагая по торговому центру, осознал: чего-то не хватает.

Пожалуй, надо представиться, прежде чем продолжать. Меня зовут Рома. Мне двадцать пять. Я самый беспонтовый офисный планктон. Я работаю в фирме, занимающейся распределением распределителей. В отделе сопровождения распределения. У нас не такая уж большая фирма, и все в ней через задницу.

Сегодня я получил выволочку от моего непосредственного начальника. Зовут его, кстати, Игорь Андреевич. Ненавижу этого козла. Упитанный чувак с прической «бокс», постоянно ходящий в костюме и красном галстуке. Лицо у него тоже почему-то постоянно красное. И очевидно, что он прется от того, что ходит в костюме, от собственной значимости. От того, что у него есть подчиненные. Я и еще один парень.

Этот красный чувак сегодня сказал мне, что я медленно работаю, ухожу раньше срока, что не слежу за распределителями как положено. И вообще я нерадивый и безответственный работник.

Я хотел сказать ему: «Да пошел ты!» Но сказал лишь:

— Да, я исправлю свою методику ведения дел.

— Уж постарайся.

Ну а что? Мне нужны деньги. Практически все же так делают, да?

Мне нужны деньги, чтобы пить пиво и покупать себе кеды. И на все остальное. А лучших вариантов зарабатывать на жизнь я не нашел. Мое сознание закрылось и перестало искать варианты. Я просто плыву по течению, и несет оно не туда, куда надо мне.

Вышел на улицу, и мне похорошело. Стояла замечательнейшая весна. В этом году тепло пришло рано. Была еще середина марта, а снег уже таял вовсю. Я прошел каких-то десять метров и вдруг увидел на земле желтую монетку. Десять железных рублей. Подобрал их с пола, усмехнулся.

Тает снег, и сейчас особенно легко найти потерянные зимой деньги. Впрочем, не только деньги, но и дерьмо. И трупы. Трупы, найденные по весне, в определенных кругах называют «подснежниками».

Я посмотрел на эту монетку и решил: сейчас кину ее, и если выпадет решка, то завтра на работу не пойду, уволюсь. Подкинул, поймал, положил на локоть. Орел. Черт, даже монетка говорит, что надо потерпеть.

Хотелось продолжения праздника. За продолжением зашел в одну пивнушку неподалеку от дома. Эту пивнуху отличал весьма обширный ассортимент живого пива. Я взял пиво «СССР» и кольца кальмаров.

Выпивая, подумал о том, что производителям данного пенного напитка надо бы расширить линейку своей продукции. Нужны еще сорта, которые бы напоминали не только о самой Стране Советов, но и о ее руководителях. Названия сами просились на пивные этикетки: «Ленинское», «Брежневское», «Сталинское» (жесткое, крепостью восемь градусов), «Хрущевское», «Горбачевское» (вроде бы не крепкое, но на самом деле коварное). Прямо из пивнушки попытался звонить

маме, но у нее был выключен телефон. Выпив кружку, уже шальной, выбрался на воздух и твердо решил идти домой.

Шел, шел, в голове крутились какие-то обрывки песен. Засунул руки в карманы и не обнаружил там телефона. Перерыл сумку, перерыл все — нет трубки. Пришло по-пьяному медленное озарение: забыл в питейном заведении. Больше нигде не мог.

Возвращаюсь туда уже бегом. Телефон хоть и копеечный, но жалко сейчас было бы его терять.

Я обследовал каждый сантиметр вокруг столика, за которым сидел, но ничего не нашел.

Спрашиваю у барменши, у этой милой пивной нимфы:

— Никто телефон не приносил? Я телефон тут оставил...

— Нет, — ответила она.

И тут парни, подошедшие сзади, сказали мне тихонечко:

— Да у нас он. Пошли на улицу выйдем, поговорим...

Ну ладно, вышел. Посмотрел на этих парней. И понял на практике, что означает выражение «вороватые лица». Я слышал обрывки их разговоров, когда сидел здесь. Знаете, это люди, которые не просто матерятся, а у которых мат выступает в качестве связки слов. И где их только этому учат? Такие люди, когда находят телефоны, забирают их себе, предварительно выбросив симку. Короче, стало ясно, просто так они мне ничего не отдадут. И я, не дожидаясь их лукавых речей, сразу сказал, что в благодарность за то, что сохранили мобильник, готов купить им по бутылке пива. Это помогло. Они легко согласились на предложение и вернули мне мое добро.

Наверное, свою роль сыграло то, что телефон был не очень модный, даже камеры в нем не наличествовало. Поэтому с него трудно было поиметь выгоду. Но то, что эти хлыщи сомневались, отдавать его или нет, было очевидно. Об этом свидетельствовало, например, то, что телефон был переведен в беззвучный режим.

Сие маленькое приключение всколыхнуло меня. Я слишком переволновался и принял решение капитально напиться. Двинул в другую пивнушку — я знал все их на районе. Это злачное место находилось во дворах, и там вообще никаких других посетителей, кроме меня, не было.

Я расположился со своим пивом за дальним столиком. Как только сделал первый глоток, появился он. Мой выдуманный друг. Большая Улитка Павел. Выдуманный друг, преследующий меня еще с детства.

Улитка Павел — как бы моя совесть. Он все время меня стыдит за то, что я делаю что-то неправильно.

Павел сказал:

— Опять ты пьешь, дебил.

— Не твое дело. После работы же.

— А какая разница? Займись чем-нибудь полезным. Ты мужик, а не алкаш. Должен быть мужиком.

Улитка Павел иногда был на редкость нудным.

— Ну я сегодня просто... Тяжелый день был... Телефон чуть не украли...

— Хочешь до смерти ходить от пивнушки к пивнушке и больше ничего не увидеть?

— А может и да! А что там видеть? Да и кто меня пустит еще смотреть разные страны, даже если я очень сильно захочу? А в пивнушку пускают.

— Ох, какой же ты дятел!

— Слышь, ползи отсюда, на свой склон Фудзи, вверх, до самых высот...

Мне не хотелось сейчас слушать, как Павел меня костерит. Мне не хотелось слушать его причитаний о том, что я снова пью. Я закрыл глаза и загадал, чтобы он исчез. И он исчез. Это не всегда срабатывало, но в данный момент сработало.

Выпил одну кружку, вторую. После направился к дому, обсасывая ползучие мысли о том, что и вправду надо что-то менять. Уволиться, открыть свое дело или для начала найти жирную подработку. Зарабатывать больше, изменить свое мышление, изменить свою судьбу. Я в последнее время говорил своим друзьям и знакомым, что мне хотелось бы найти подработку, что мне нужно больше бабла. А кому не нужно, да? И вот вчера один приятель сказал, что можно как-то заработать в Интернете. Что он скинет мне какой-то вебинар, в котором я узнаю, как это можно сделать.

Придя на съемную хату (точнее, снимал я даже не хату, а комнату) и раздевшись, я сразу же запрыгнул в Интернет. Да, знакомый скинул мне ссылку на некое видео. Я был достаточно пьян, но все равно прошел по ссылке и нажал «play». Лег на кровать и через пару минут заснул. Ничего не запомнил.

— Ну вот и почти конец, — тихо сказал Артур Пантелеевич Барыгин, откидываясь на мягкое кресло черной кожи, принимая максимально удобную позу. Сказал он это не кому-то конкретно (в комнате, кроме него, никого пока не было), а как бы вообще всему окружающему миру.

Артуру Пантелеевичу было пятьдесят девять лет. Это был морщинистый, практически лысый, но статный старик с приглушенным, немного хрипловатым голосом.

Артур Пантелеевич считался влиятельным человеком в своем городе, был крупным бизнесменом. Он многое и многих пережил. И до последнего времени не задумывался так часто об уходящей сквозь пальцы жизни. Но две недели назад он побывал у врача-онколога, и тот сказал, что в течение года Барыгин А.П. точно умрет. Врачи циничны и беспощадны. Как само время. Теперь это время стало казаться Барыгину неумолимым

Он решил много проблем, но эта проблема была ему не по зубам. Оставалось лишь смириться.

Эти две недели, прошедшие после посещения врача, он мало с кем виделся, отменил кучу деловых встреч, скинул все на помощников. Эти две недели он размышлял, как ему провести остаток дней на этой Земле.

Размышлял и в итоге решил, что завтра следует улететь в Ниццу. Там у него был небольшой домик. Там он хотел проститься с миром.

«А здесь умирать не хочу. Вот не хочу, и все тут. Грязно здесь, неуютно. Жить здесь можно, но вот умирать.... Здесь даже нет океана. Я улечу туда и никогда больше не вернусь. Я многое могу в этом

городе и многих могу... Но вот что-то внутри сильнее меня. Что-то внутри меня хочет убраться отсюда. Чтобы никто здесь не видел моих страданий, моего умирания».

Тот факт, что он улетит и больше не вернется в этот город (который был ему родным, между прочим), казался ему особенно величественным и трагичным.

Барыгин сидел в своем кабинете за массивным дубовым столом. Одет был парадно, в белый костюм-тройку. Перед ним стоял графин с коньяком и бокал. Барыгин периодически наливал себе и пил.

— Ну вот и почти конец. Мементо мори. Помни о смерти. Помни, блин, о смерти.

«Всегда эти слова были пустым звуком, что-то внутри не давало их воспринимать как основное правило жизни. Человеческое мышление, весь человеческий организм настроен позитивно и, если можно так выразиться, верит в физическое бессмертие».

Но теперь Барыгин с особой болью осознал, что жизнь коротка. Очень коротка.

День второй

Утро. Полвосьмого звонит будильник на мобильнике, который я вчера чуть не утратил. К девяти мне надо быть в офисе. Это ужасно — вставать с утра, когда так хочется поспать. Но ты поднимаешься. Если ты не поднимешься и не придешь, ты лишишься денег. Эта мысль не дает покоя. Каждый будний день тебе ссужен для того, чтобы зарабатывать деньги. «Деньги» и «день» — не зря эти слова похожи.

А еще ведь у нас там за опоздания введены штрафы. И у меня уже было несколько таких штрафов. Конечно, брать с людей деньги за то, что они опоздали, скажем, на десять или двадцать минут, — это очень подло. Но мой непосредственный красномордый руководитель делал это беззастенчиво и бессовестно.

Итак, я умылся, собрался, добрался. Итак, я на работе. Мой коллега Ванек уже был на месте, когда я зашел в кабинет. С Ваньком мы сидим в офисе с самого начала, с того момента, как я устроился. То есть уже почти два года. Конечно, мы уже устали друг от друга. Временами я его просто не хочу видеть, встаю и ухожу в туалет.

Ванек уже женат, и у него есть ипотечный кредит. Но при этом он выглядит гораздо позитивнее меня. А я какой-то придавленный жизнью и вечно всем недовольный. Такой характер, такая карма.

Мы с Ваньком в одной лодке — в этом кабинете.

Здесь вид из окна на гаражи, здесь на подоконнике растет герань. Унылый стандартный офис, который мне надоел. И Ванек надоел, и вообще все надоело. Порой задаешься вопросом: «Да как же так все произошло?» Как так вышло, что я оказался здесь, связанный по рукам и ногам? Я радовался, когда пришел сюда после нескольких месяцев поисков работы. Мне показалось, что я спасся. А теперь дни слились в одно серое пятно, и ягодицы стали каменными от долгого сидения за монитором.

И хочется уволиться. Но именно уволиться, уйти самостоятельно, а не по распоряжению начальника. И уволиться не «в никуда», а

Иллюстрация Василия Денисова

на какое-то лучшее место. В последний раз из нашей компании человек уволился сам полгода назад. Это был Антон из бухгалтерского отдела. Антон зашел к нам и торжественно сказал, что через две недели уходит из фирмы. Потому что они с приятелем открывают свое дело. И было видно, как он радуется этому, как он гордится этим. А я испытывал к Антону белую зависть.

Ведь перед ним открывались новые перспективы, а мы оставались здесь. Мы оставались на этой лодке, на этой галере. Он вырвался, а мы нет.

Может, у него в итоге и не сложилось после с бизнесом, но ушел он тогда с гордо поднятой головой.

Первая половина дня прошла тихо. Лишь шелест мышек и клавиатур нарушал тишину. Потом пришел начальник.

Он сказал с порога:

— Здравствуй, Ванютка. Здравствуй, Романчик.

Почему-то он любил иногда придавать именам уменьшительно-ласкательную форму. Дурацкая привычка. И понятно, что в этом не было никакой доброты. Скорее, издевка.

— Здравствуйте, — ответил я

А сам подумал:

«ЖЛОБ!»

— Ну как работается сегодня? — с подобием улыбки спросил он.

А мне подумалось:

«ЖЛОБ И ЭКСПЛУАТАТОР!»

Но произнес я, конечно, несколько иное:

— Нормально работается.

Потом этот Игорь Андреевич дал распоряжение:

— Там надо подготовить контракт для Казахстана...

— Да-да, я этим занимаюсь.

В голове промелькнуло неозвученное продолжение: *«...а ты — наглый тупой жлоб, наживающийся на других».*

— Когда будет готово?

— Через три часа.

— Давай через два. Надо срочно.

— Ладно.

На самом деле Андреич, конечно, был не единственным эксплуататором. Он же даже не самый главный в фирме. Просто начальник отдела. Короче, над нами была целая цепочка из эксплуататоров. Я же не эксплуатировал никого. Но это почему-то не шло мне в плюс как работнику и как человеку.

Работа приносит мне деньги. Но не думайте, что очень много денег. Зарплата не позволяет мне летать на Мальдивы. Она позволяет мне снимать комнатку в этом городе, ездить в офис, выпивать пиво, ну и все такое по мелочи. Ничего слишком лишнего.

Про вторую половину рабочего дня рассказывать особо нечего. Поэтому сразу перейду к тому блаженному моменту, когда стрелки на часах показали шесть вечера. То есть стрелки показали, что можно валить. Я в этот раз постарался как можно быстрее попасть домой. И даже ничего алкогольного не пил по дороге.

Пришел, включил вебинар. Попытка, так сказать, номер два. На экране появился какой-то бородатый чувак, поздоровался, сказал:

— Поставьте плюсики, кто принимает участие в вебинаре.

Мне послышалось:

— Поставьте, пожалуйста, плюсики, кто идиот.

Серьезно. Что-то со слухом.

Долго ли, коротко ли, бородач начал рассказывать про МЛМ-проект, который он создал. Про то, что работать на обычной работе — это путь, который никогда не приведет к богатству. А вот присоединение к их проекту — это реальная возможность строить свой бизнес в команде, возможность работать дома и зарабатывать большие деньги. Проект назывался «Школа заработка в Интернете "Геракл"».

Мне вспомнилась школьная присказка: *«Геракл — в штаны накакал».*

Чтобы войти в проект, рассказывал бородач, надо заплатить восемьсот рублей. И за восемьсот рублей человек получает доступ к информации о том, как зарабатывать в Интернете на статьях, на кликах, на написании комментариев, на собственном сайте... Так по крайней мере утверждал лектор. Из этих восьмисот рублей пятьсот

пятьдесят шли тому, кто пригласил тебя в проект. А двести пятьдесят рублей — организаторам на развитие

Но гораздо прибыльней, чем просто учиться в Школе Заработка, было, как я понял, строить свою сетку партнеров. И чем больше будет сетка, тем больше у тебя будет бабла. Я осознавал, что на практике все будет совсем не так радужно, как это пытаются представить. На практике ты станешь очередным надоедливым МЛМ-щиком, который ничего не создает, а ходит по миру и всем впаривает свою хрень. В первую очередь, родственникам и друзьям. И вряд ли кто-то будет рваться брать такой сомнительный товар. Тем более это даже не косметика. Это воздух.

МЛМ и активные прямые продажи — это не для меня. Я не такой человек. Я вообще не люблю общаться с людьми и на что-то их уговаривать. Я себя-то уговорить не могу. Как я буду ко всем лезть с предложениями что-то у меня купить, дать мне денег? Не знаю. Не представляю себя в этой роли.

Вебинар продолжался. И я заметил, что оратор постоянно возвращался к одной мысли — к мысли о том, как круто быть богатым и ни в чем себе не отказывать. Как круто лежать на пляже на острове и при этом знать, что у тебя есть пассивный доход. Он снова и снова говорил об этом. Зомбировал. Я вообще заметил, что все начальники, все те, кто хочет тебя замотивировать, рисуют, какие ослепительные у тебя появятся перспективы, если ты будешь со всей отдачей работать на них. Так же действовал Остап Бендер в советских фильмах.

Они рассказывают, как скоро ты разживешься. Мол, еще годик у нас поработаешь, машину себе купишь. Ну и все в таком духе. Но потом оказывается, что все не так. И хватает тебе только на то, чтобы выживать и платить за квартиру. И ты, белка, крутишь-крутишь колесо, но остаешься на месте.

Я часто воображаю сцену, как начальники собираются вместе и ржут над нами, над подчиненными. Над тем, как мы там где-то внизу бьемся за бабки, которые они нам платят. Порой ведем себя как скоты за эти бабки. От страха, что нас уволят, сходим с ума, лишаемся некоторых человеческих черт...

Бородач продолжал гнуть свою линию, а мне уже надоело. Мне стало ясно, что это не мое.

Я закрыл видео и просто набрал в «Яндексе», в поисковой строке: «Как заработать денег».

Ссылки, выскочившие на запрос, удивляли. Открыл первую — там рассказывалось, как зарабатывать в онлайн-казино. Упрощенно от лица какого-то явно выдуманного персонажа описывался метод Мартингейла (я о нем помнил еще с универа). Этот персонаж писал, что долгие годы играл в рулетку и открыл этот метод, а теперь давно уже имеет кучу денег и хочет поделиться со всеми секретом успеха из альтруистических побуждений. Да кто вообще ведется на такое? Шансы выиграть с помощью этого метода в казино такие же, как если бы ставить наобум. Можно привести развернутые доказательства, но я не хочу утруждать себя.

Дальше — интересней. Я наткнулся на сайт, где продавались амулеты для привлечения денег. Амулеты эти были, как сказано в

описании, из каких-то особенных камней, найденных в Чили. И ниже еще были отзывы людей, которым будто бы помогли эти амулеты. Вот одна девушка пишет, что со своими двумя высшими образованиями оказалась однажды абсолютно без поддержки, брошенной всеми, с двумя маленькими детьми на руках. В это можно поверить, ладно. Но после приобретения амулета, сообщала она в отзыве, деньги начали приходить из самых неожиданных мест. А через пару недель ей предложили хорошую высокооплачиваемую работу, на которой она работает и сейчас. Другой отзыв был от какого-то мужика, которому амулет помог расплатиться с долгами и кредитами. Амулеты стоили по три тысячи рублей. Ну-ну. Допустим, куплю я этот амулет. А если ничего не произойдет? Какие гарантии? Гарантий не имелось. Пахло кидаловом.

Следующая ссылка — это вообще номер, цирк с конями. Я попал на сайт, где говорилось про рассказ, привлекающий деньги. Согласно инструкции, его надо было прочитать вслух пять раз — от начала до конца. И уже скоро в жизни чтеца произойдут серьезные перемены, материальное положение улучшится, утверждали на данной странице. Я начал читать. Рассказ был скучный. Про какого-то авторитетного бизнесмена, у которого обнаружился рак.

Этот авторитетный бизнесмен вызвал к себе своего водителя. И дал ему задание отвезти три разные сумки по трем разным адресам некоего вымышленного города...

Ох, скукота! Я закрыл все вкладки и стал просто пялиться на рабочий стол ноута. С одной стороны, все, что я сегодня посмотрел и почитал, меня веселило. А с другой — я был в отчаянии. Я не знал, как разбогатеть. Самый реальный шанс разбогатеть для меня — это выиграть в лотерею, подумал я. Или чтобы чемодан денег свалился мне под ноги прямо с неба.

Мне не нравилось то, что я делаю, не нравилось, сколько я зарабатываю. Но ведь может быть еще хуже. Когда я в крайний раз искал работу, мне довелось прийти в компанию «ШЖШ», которая занималась распространением косметики и БАДов. И даже сам не знаю, почему я откликнулся на эту тухлую вакансию. Я просто уже был в полупаническом состоянии, потому что искал работу четвертый месяц. Мне позвонили и пригласили утром прийти в их офис. Ну пришел. И здесь увидел одну из самых странных сцен в своей жизни. Парни и девушки встали в круг и начали хлопать в ладоши. Потом в зал вошел директор, стал орать в микрофон всякие ободряющие лозунги, а ему кричали в ответ: «Джус, джус, джус!».

Затем каждый из сотрудников по очереди выходил в центр круга. Ему тоже хлопали и кричали «джус!». И он в ответ кричал «джус!», и давал пять своим товарищам. Одна девушка вдруг оторвалась от ритуала, вышла из круга, подошла ко мне и предложила присоединиться. Но я не хотел присоединяться. Я хотел блевать.

С тех пор слово «джус» стало ассоциироваться у меня с неким корпоративным абсурдом.

Кто запудривает мозги этим ребятам? Сами ребята ведь виноваты лишь совсем чуть-чуть. Они молоды, им нужны деньги. Я обсуждал с кем-то в Интернете схожий вопрос: мол, кто больше виноват — проститутка, которая соглашается на разврат за деньги,

или сутенеры и клиенты, которые ей платят? Мне кажется, больше виноваты те, кто платит, и те, кто организовывает.

Так я и не стал продавцом косметики и БАДов.

Моя мама как-то сказала мне, что все профессии хороши. Ты ошибаешься, мам. В наше время бывают и плохие профессии. Очень плохие.

Через десять минут в кабинет к Артуру Барыгину должен был прийти Федя, его водитель и помощник. Не очень умный, как считал Барыгин, но зато исполнительный. Ну и вообще простой, хотя и не без хитрости, конечно, мужик.

Артур Пантелеевич думал о том, что есть нечто, что он обязательно должен сделать в этом городе. Отдать последний должок.

Именно так он сам для себя это определял: «Отдать последний должок».

«Всегда был каким-то ухватистым и, кажется, злым. Никому ничего не прощал, и мне ничего не прощали. Я прошел, как это принято говорить, тернистый жизненный путь. В советское время был токарем-станочником на заводе, параллельно фарцевал. А в девяностых поднялся. В девяностых совсем другая жизнь наступила. Совсем другая. И страшно, и приятно вспомнить. Ушел с завода, занялся коммерцией, были разные дела, разные бизнесы... И было в духе девяностых что-то залихватское и романтичное. И песни тогда были другие, и фильмы по телевизору шли другие. И жизнь била ключом. Нет, не сказать, что тогда у меня были только победы. В девяносто пятом меня чуть не посадили, я отчетливо помню то время. Повезло, что дали всего лишь условный срок. Повезло, что не стали дожимать...

Кто старое помянет, тому глаз вон. Все это давно уже было. Воды много утекло. Иных уж нет, а те далече. А я выхожу на финишную прямую.

И что же делать, оказавшись где-то перед самой финишной ленточкой? Я понял, что надо сделать что-то хорошее, пока еще не стало слишком поздно. Слишком мало я делал хорошего в своей жизни. Может, поэтому нажил только деньги, а вот детей...»

У Барыгина вообще-то был один-единственный сын — Кеша. Но он погиб в автокатастрофе пять лет назад.

«Нужно сделать доброе дело. Безвозмездно. Помочь совершенно незнакомым людям. Может, мне это зачтется. Там».

Барыгин в последние дни размышлял над одной притчей. Читал ее давным-давно в книге, название которой забыл. В этой притче рассказывалось про женщину, которая всю жизнь была злыдней. Но один хороший поступок она все-таки сделала — отдала луковицу, вытянутую в огороде, нищенке. После смерти Бог сказал ангелу-хранителю этой грешницы: мол, протяни ты ей эту луковку, и, схватившись за нее, может, выберется она из огненного озера, и, коли так будет, пусть в рай идет.

И вот ангел-хранитель протянул грешнице луковку. Ухватилась женщина за нее, а другие грешники в свою очередь схватились за эту женщину — они тоже хотели выбраться в рай. Она стала отбрыкиваться от них, говорила, что это только ее луковица. В итоге луковица не выдержала, и женщина упала назад в огненное озеро.

«Мне тоже не помешает страховочная луковица, то есть добрые поступки. Может, на небе скажут мне: «Неправедно ты, Барыгин, жил, все время тянул одеяло на себя, но все-таки сделал под конец жизни что-то хорошее...»

Смысл добрых поступков, запланированных на сегодня, был очень прост: дать людям деньги. Барыгин был материалистом, и добро в его сознании прочно увязывалось с деньгами. Хотя он прекрасно понимал, что дать деньги в долг — это не добро. А дать деньги в долг под проценты — вовсе ростовщичество. Деньги надо давать безвозмездно.

Уже стояли приготовленными в его кабинете три спортивные сумки. В каждой из них было по миллиону рублей. Эти сумки нужно было лишь развести по адресам, определенным случайным образом. Да, он действительно позавчера стоял перед картой города N-ска и тыкал в нее наобум. Так определились три дома, где живут будущие счастливчики. Все эти дома были, Барыгин уточнил это в Интернете, многоэтажными, многоквартирными. Номера счастливых квартир также были выбраны совершенно без всякой системы — Артур Пантелеевич просто записал три числа, которые первыми пришли в голову.

Короче, у него был список из трех адресов и три сумки. Через десять минут должен был прийти Федя и забрать все это. Самому развозить сумки было, по мнению Барыгина, глупо и несолидно.

Артур Пантелеевич снова пригубил коньяк.

Пиликнул телефон, приятный девичий голос по громкой связи сообщил:

— К вам Федор, водитель.

— Пусть входит.

День третий

Очередное утро. Очередной поход на работу. И сегодня побыстрее дотянуть до вечера хотелось особенно сильно.

Аленка сказала, что вечером придет ко мне в гости. Аленка — клевая. У нее кудрявые волосы цвета соломы и зеленые глаза (это редкость, я читал, что всего два процента людей имеют такой цвет глаз). На плече цветная татуировка — изображение мудрой совы в очках. Любит Аленка сов.

У нас с Аленкой странные отношения. Мы, наверно, просто друзья. Она приходит ко мне и, как правило, мы пьем и жалуемся друг другу на жизнь. Пару раз занимались сексом, но после она говорила, что ей за это очень стыдно и что мы просто друзья. Ну а я иногда думаю о том, как хорошо было бы, если бы она была моей постоянной девушкой. А потом думаю о том, где взять столько денег и ответственности, где и как мы будем жить, и все в таком духе. Честные ответы на эти меркантильные вопросы не утешают и не дают сдвинуться с места.

Короче, пока она — просто мой собеседник и собутыльник. И мне иногда, правда, буквально жизненно необходимо, чтобы она пришла, Чтобы моя комната наполнилась ею. Чтобы она здесь сидела и

смеялась, чтобы здесь звенел ее голос. Чтобы я лег на полу, а она бы просто погладила меня по голове. И сказала бы, что все будет хорошо.

Улитке Павлу Аленка тоже нравилась.

Вечером мы увидимся. Я возьму вино. Мы включим кино. Но точно не будем играть в домино.

Договорились с ней пересечься без пятнадцати семь на остановке возле моего дома. Я был там уже в полседьмого. Я наблюдал за автобусами и за выходящими из них людьми, курил. Завораживающее зрелище. Наконец из потрепанного жизнью «пазика» вышла она, улыбающаяся, сияющая. Под цвет глаз она часто надевала зеленое платье. И сегодня вот тоже надела. Если честно, я не до конца понимал, зачем Аленка ко мне приходила. Такая красавица. Мне кажется, она должна была давно уже выйти замуж, уехать отсюда в лучшие места, добиться чего-то гораздо большего. Но была в ней частица безумия, частица сумасшествия, было в ней нечто, что мешало ей до конца социализироваться. Она была одиночкой. Она была способна на странные поступки и странные отношения.

— Привет, — сказал я, подойдя к ней.

— Привет, — откликнулась она.

Мы двинули в магазин, накупили всего, что было нужно. Вина, апельсинов, шоколада. Затем прибыли ко мне.

Решили пить прямо на полу, на ковре. К чему столы?

— Как твои дела? — спросила она, когда мы уже расположились и приготовились к маленькому пиру.

— Да ничего нового. Давно не было перемен. И от этого порой становится жутко. От того, что вот так, как я живу сейчас, можно прожить еще лет десять или двадцать. Лет десять или двадцать ходить по одним и тем же улицам, сидеть в одном и том же кабинете... Думаешь, я хотел такой судьбы, судьбы офисной планктонины? Раньше я вообще не думал о деньгах. И не понимал, почему все такие жадные...

— А потом что?

— А потом понял, что без денег вообще никак. И теперь я хожу в офис и пытаюсь их заработать. Включился в гонку за карманным прайсом. Получается пока не очень хорошо.

Она улыбнулась, покачала головой. Ответила:

— Только не становись фанатиком. Во всем нужно знать меру. Есть такое выражение — «сторчаться на бабках». Это когда ты все свое время тратишь на то, чтобы зарабатывать бабки и тратить их. А все лишнее, все, что не служит этой цели, выбрасывается. В разряд «лишнего» попадают и друзья из прошлого, и близкие родственники...

Не знаю почему, но мне хотелось сегодня поплакаться в жилетку Аленке.

— Ну а я вот торчу на алкоголе. И сам себя осуждаю, но...

— А кто сказал, что это хуже, чем торчать на бабках? Вообще каждый на чем-то торчит. Моя мама работает продавцом в конфетном отделе. Она говорит, что каждый день к ней приходит женщина и покупает граммов сто-двести конфеток. Один раз пришла вечером, долго стояла у прилавка, а потом говорит: мол, отсыпьте мне все-таки граммов сто конфеток. А то, если я проснусь вдруг ночью и не будет у меня конфеток или шоколадок, я ведь не выдержу и спущусь за ними в ночной киоск. Представляешь, как она любит сладкое?

— На конфеты нужны деньги...

— Нельзя думать только о деньгах и нельзя продавать душу за деньги.

— Да я бы продал. Никто ж не берет. Никому я не нужен. Я бы продался с потрохами, но никто не предлагает хорошую цену.

— Ты серьезно?

— Не знаю. Вот такая стремная у меня душа...

«Ну а что? Продаться с потрохами, продать себя на энное количество лет, а потом всю оставшуюся жизнь лежать на пляже, на островах, ни в чем себе не отказывать, развлекаться и веселиться с красивыми девушками. Чем это плохо?»

Впрочем, вслух я этого не сказал. Мы выпили. Я засмотрелся на нее, потонул в ее глазах, как любили писать раньше.

В комнате повисла странная тишина.

«А все могло бы быть иначе. В параллельной вселенной все наверняка иначе. Я подъезжаю к Алене на «Ламборгини», и мы едем в крутейший ресторан города. Я дарю ей букет дорогих голубых роз, и за ужином мы замечательно проводим время. Под конец я встаю на колени и преподношу ей кольцо в красной коробочке...

А потом довожу ее сюда. Сюда, в свою убогую комнатку, потому что хватит мечтать. В двенадцать часов «Ламборгини» превращается в тыкву. А роскошный дворец — в съемную комнатушку.

А потом мы летим на самолете на Мальдивы. Лежим на пляже. Занимаемся сексом в красивом бунгало. А потом я выхожу из бунгало, закрываю глаза, открываю вновь... и вот я снова в пивнушке возле дома. Это быстрый спуск из мечты в реальность, из параллельной вселенной в нашу. Подъезжаю на «Ламборгини» в пивнушку. Из пивнушки иду в свой пентхаус. Еду в пентхаус на лифте, обоссанном и исписанном маркерами... Параллельные миры мигают...»

— Я верю, что у тебя все изменится. Скоро. Ну, например, тебя повысят, и ты будешь больше зарабатывать, — вновь попыталась поддержать меня Алена.

Я почувствовал, что сейчас воспринимаю ее, как свою старшую сестру. Она Аленушка. А я ее младшенький братик Иванушка, попивший из копытца и превратившийся в козла. Она утешает меня и говорит, что я из козла могу превратиться обратно в человека. Как-то так.

Продолжаю беседу:

— Я понимаю, что мое повышение на самом деле не зависит от моей работоспособности. Оно зависит от каких-то других качеств. И вообще, знаешь, что еще волнует? Что на самом деле в этом сидении в офисе нет никакой стабильности. Я не понимаю, почему некоторые называют такую работу стабильностью. Тебя могут выпиннуть в любой момент.

— Меня тоже это немного беспокоит. Но мне, в отличие от тебя, больше нравится моя работа. Она хотя бы не такая скучная...

Алена, кстати, работала дизайнером в похоронном бюро.

Еще чуть-чуть отхлебнув вина, я продолжил ныть:

— Я устал. Нет никаких желаний и мечт, все вытряхнули из меня серые будни. Все, кроме одной мечты: я хочу много денег.

— Много денег — это в принципе хорошо. Но есть в этой мечте некая бесплодность. И бесплодна она не потому, что недостижима, а потому, что от нее воняет пошлостью. Эта мечта тупа и эгоистична. Почему ты не хочешь изменить мир? Совершить подвиг, сделать какое-то большое дело, помочь людям?

— Честно говоря, не знаю, как помочь людям без денег. И на что еще, кроме денег, надеяться в такой ненадежной стране? На что поставить еще? В девяностых здесь было одно, в нулевых — другое, в десятых — третье. Все быстро меняется, и почва периодически уходит из-под ног. Только на деньги и можно опереться. На деньги. На бабки. На бабулечки.

— Но деньги — это же всего лишь бумага. Это просто сами люди придают ей силу. И есть что-то сильнее денег...

— Что например?

— Оружие, — она засмеялась. — В Сомали гораздо практичней иметь оружие...

— Оружие — это экстремально. Я не люблю оружие.

— А еще слова. Иногда слова важнее денег.

— Слова ничего не стоят. Сила слов не может противостоять эффективно деньгам. Слова и дар убеждения проигрывают этим цветным бумажкам. Но слова, кстати, мне ближе, чем оружие. Я и в школе все сочинения писал на пятерки. Может, во мне есть литературный талант?

— Напиши роман. Роман про Романа, ха-ха.

— А что, звучит неплохо! Только бы найти в себе силы. Я же чувствую в себе лишь какую-то постоянную слабость, усталость. Я какой-то апатичный и ничего не могу с этим поделать

— Найди что-то свое, свою цель, свою идею. И она будет вести тебя, сама толкать вперед.

— Идеи нет, нет денег.

— Может, все-таки попытаться сменить работу, если не знаешь, как добиться повышения зарплаты?

— Уволиться в никуда и искать что-то? Сомнительный вариант.

— Ну можно пока не увольняться, но при этом искать работу.

— Да как это сделать, если мы работаем в будни с понедельника по пятницу?

— Можно с утра назначать встречи с потенциальными работодателями. А еще в обед или вечером.

— У нас обед всего полчаса. Не очень-то разбежишься. А за опоздания введена система штрафов.

— Хорошо. Есть и третий вариант. Если ты не можешь поменять ситуацию, то следует поменять отношение к ней. Хотя бы полюби свою работу. Просто возьми и полюби.

— Насильно что ли? Насильно мил не будешь. Понимаешь, полюбить свою работу — значит, сдаться. Это и есть продать душу, по сути. Это значит, ты решил, что тебе не нужно ничего своего. Ты решил: «Давай работать на дядю до конца, а чтобы было меньше проблем, я полюблю работу». Но по сути это поражение. Экзистенциальное.

— Ты кругом видишь одни преграды и поражения. И не видишь возможностей...

— Мне бы удачи. От меня мало что зависит. А иногда мне кажется, что и вовсе ничего.

— Нет. Все зависит от нас самих, как поется в одной популярной песне.

— Представь, что ты летишь в самолете. Что в данном случае зависит от тебя?

Она задумалась.

— Ну... да. Ты прав. Здесь все зависит от пилота и исправности самолета. Но это редкая ситуация. А с другой стороны, даже те люди, которые говорят, что они полностью покоряются судьбе, все-таки, переходя дорогу, смотрят на светофор и по сторонам. Пусть не всё, но что-то от нас зависит. Делай что должен и будь что будет.

— Разговариваем цитатами из соцсетей.

— Цитаты были и до соцсетей.

— Стать бы человеком, к которому липнут деньги...

— У тебя какая-то прямо навязчивая идея.

— Ладно, хватит об этом.

Мы пили еще и еще говорили. В основном о пустом и незначительном. А в пол-одиннадцатого наш маленький пир закончился. Я надеялся на продолжение, но дружеский секс ей был нынче не нужен. Эмансипированная Алена ушла.

Она ушла, я сел на свою полураспальную кровать. Тяжко вздохнул, глядя на обои, на некую точку на этих обоях.

«А может, нет никакой Аленки? Может, я ее и придумал, как Улитку Павла? Боже, почему я так одинок? И секса с ней никакого тоже не было. Я все выдумал. Я всегда был лишь копьем, пронзающим пустоту...»

Сама собой возникла мысль-ответ, мысль, как будто и не моя вовсе:

«Ты сам выбрал ЭТО. ЭТО — все, что происходит с тобой».

А ведь мысль действительно была по духу и по построению не очень моей. Будто пришла откуда-то извне. А почему это мы считаем, что все мысли, которые возникают у нас в голове, принадлежат именно нам и генерируются нами? Может, они просто проходят через нашу голову, как копье?

Ох, пора было спать. Завтра рано вставать...

Заснул я на удивление быстро. И снился мне яркий, цветной сон. Кажется, в последний раз подобный по яркости сон мне снился в детстве... Странное дело.

Во сне я шел по готическому извилистому коридору, очень длинному. Все шел и шел. Наконец этот коридор вывел меня в зал с ослепительно белыми стенами. Контраст между этими стенами и коридором был потрясающим. В зале меня ждали двое — Супермен и Илья Муромец. Илья Муромец выглядел точь-в-точь как на картине Васнецова «Три богатыря», Супермен — как в фильме «Супермен» 1978 года. Да, это был точь-в-точь актер Кристофер Рив. Оба, пронзая меня взглядами, в один голос приказали:

— Привет, Романчик. Присядь!

Я только сейчас заметил, что посреди этой комнаты есть темно-коричневый деревянный стул со спинкой. Такой типичный бытовой деревянный стул. Я присел.

— Романчик, тебе нравится, как ты живешь? — спросил Муромец.

— Нет.

— А знаешь, почему ты так живешь? — спросил Супермен.

Они по очереди задавали вопросы. Как добрый и злой полицейский, блин.

— Ну потому, что..

— Потому что ты тряпка! — заорал вдруг Муромец.

— Будь мужиком, Рома! Будь сильным, — почти шепотом, как бы в противовес, сказал Супермен.

— Хватит цепляться за свои слабости. И обсасывать их. Другие на твоем месте берут и делают. А ты только ноешь, — Муромец громко отчитывал меня.

— А что делают-то?

— Ну делай что хочешь. Сам решай. Только делай. Не ной и не обсасывай свои проблемы, — это снова Муромец.

— Но я... у меня...

— Ты можешь все. Ты даже можешь стать героем. Таким, как мы, — это Супермен.

— Героем? В смысле?

— Вот именно. Ты все время задаешь вопросы. Хотя должен встать и добиться всего без чьих-либо советов и указаний.

— Не наседай на него, Илья.

— А ты мне не указывай, Кларк! Ты против меня и раунда не выдержишь. У тебя вообще трусы поверх штанов.

— Попридержи свой язык...

Я понял, что они между собой не очень-то ладят.

— Да я хотел бы стать мужиком, но вокруг столько соблазнов и обстоятельств...

— Заткнись ты! — рявкнули одновременно оба.

И снова уставились друг на друга. Их лица стали злобными и вызывающими, искривились в предвкушении драки. Я (точнее говоря, *я-во-сне*) понял, что сейчас начнется что-то очень интересное.

— Ладно, ладно, — сказал я. — Знаю, что Илья Муромец победит. Я же патриот.

Федя, одетый во все черное, вошел в кабинет к Барыгину. Эти двое будто специально так контрастно оделись — Артур Пантелеевич в белом, Федя в черном. Но на самом деле просто так совпало.

— Садись, — приказал Барыгин.

Федя сел. Ему было немного не по себе. Было странно, что начальник в законный выходной, да еще так рано, вызвал его к себе.

Он, когда еще ехал сюда, все гадал, чего же Барыгину надо. С боссом явно в последние дни что-то случилось. Он явно сам не свой в последние дни. Ходят слухи, будто он чем-то серьезно болен. Вдруг пропала в нем прежняя жесткость, которая была раньше. Он стал рыхлым и добрым. Резко постарел. Старость никого не щадит...

Барыгин в белом, Федя в черном сидели друг против друга, и со стороны это смотрелось красиво и символично. Им бы сейчас еще в шахматы поиграть. Одному за белых, другому за черных.

У Феди были мелкие черты лица, но при этом он был достаточно крупным мужчиной. Нет, не капитально толстым, но с вполне выдающимся мамоном. От пива и от хорошей еды, которой потчевала женушка, конечно.

— Вызывали, Артур Пантелеевич? — осторожно спросил Федя.

— Ну да, дело у меня для тебя есть. Деликатное...

— Слушаю.

— Видишь в углу три сумки?

Федя оглянулся, увидел возле кадки с пальмой три спортивные сумки средних размеров.

— Их надо просто развести в три разные точки города. Ничего сверхъестественного.

— А что там?

— Даже и не спрашивай. Не твое это дело.

— Понял. Больше не спрашиваю.

Когда начальство просило не задавать вопросов, Федя слушался. Он выучил назубок простое народное правило: меньше знаешь — лучше спишь.

— Не спрашивай и не смотри, что там. А если ослушаешься, — Барыгин помахал указательным пальцем в воздухе, — то я тебе устрою «сладкую жизнь».

В том, что Барыгин это может, Федя не сомневался. Барыгин был человеком решительным и мог при необходимости сломать жизнь кому угодно в этом городе. В девяностые, ходят такие слухи, одного его конкурента нашли в лесу без головы...

— Да понял, — сказал Федя. — Мое дело маленькое.

— Ну и отлично. Вот тебе три адреса. Просто поставишь сумку к двери, нажмешь на звонок и уйдешь.

Барыгин достал из кармана листочек, где размашистым почерком были записаны три адреса. Федя прочел. Все три дома находились в разных концах города. Придется поколесить.

— А какая сумка на какой адрес?

— Не важно, Федя, не важно.

— Хорошо.

Федя встал, попрощался с Барыгиным, взял сумки и двинулся к выходу. Сумки были, кстати, легкими. В багажник убирать он их не стал. Поставил на заднее сиденье. Повернул ключ зажигания, поехал.

Как сильно он привык к серым улицам своего города! Словно сросся с ними. И даже толком не представлял, где его старенький «Форд Фокус» мог бы ездить еще. Его машина тоже стала частью этих улиц, неотъемлемым их элементом.

Как обычно, Федя включил радио, чтобы не так скучно было ехать. Радио «Блатняк». Оно было самым любимым. Сейчас на «Блатняке» транслировалась песня с таким припевом:

Деньги-денежки,
Жареные семечки.
Были да ушли,
Нету ни копеечки.

«А ведь про жизнь же», — подумал Федор. Потянулся в бардачок, достал пачку с мрачными надписями, но понял, что она пустая.

— Блин, надо купить курить.

Остановился у табачного ларька, купил своих привычных сигарет. Продолжил путь. Вот уже скоро он окажется по первому из трех адресов.

«А что все-таки в этих сумках?»

Никогда Федя не был таким любопытным, но сегодня ему почему-то не давал покоя вопрос, что же именно он развозит. Взрывчатку, наркотики, деньги?

Внутренний спор его был примерно таким:

— Ну, допустим, там деньги. И что?

— Там много денег, и их можно забрать себе.

— Да тебя потом Барыгин с потрохами съест.

— Может, он вообще ничего не узнает?

— А если там наркота?

— Тогда надо надеяться, что менты не остановят. Надеяться на то, что у Барыгина все шито-крыто...

День четвертый

Кода я проснулся, то уже не помнил, чем кончилась драка Супермена с Муромцем.

Но эта фраза про патриота, произнесенная во сне, интриговала. Наяву я так никогда не говорил на публику. И никаких особенных патриотических тенденций в себе не замечал. Просто жил своей маленькой жизнью. В соцсетях не разговаривал про политику, постил котиков.

Был у меня один знакомый, торговый представитель, который частенько говорил, что быть патриотом легко, когда ты хорошо зарабатываешь. А когда ты зарабатываешь плохо, когда не можешь ничего добиться, в тебе начинают зреть оппозиционные мысли.

Я никак не мог проверить первую часть этой теории — я никогда не зарабатывал много.

В голове возник очередной вопрос:

«Ну а сколько это — много? Сколько это для меня в рублях?»

Всплыла цифра в семьдесят тысяч рублей.

«Если бы у меня было семьдесят тысяч в месяц, я бы даже стал выглядеть краше и привлекательнее. Просто от самого факта. И девки бы на меня, наверное, стали бы смотреть по-другому. Семьдесят тысяч в месяц — это как живая вода с молодильными яблоками. Превращает старика в привлекательного юношу, сутулого неказистого паренька — в красавца. Семьдесят тысяч в месяц, и моя походка стала бы уверенней. Семьдесят тысяч в месяц, и вот я уже не так мнителен. Семьдесят тысяч в месяц, и мне есть чем гордиться.

Что бы я делал с такими деньгами? Жил бы нормально. Развлекался бы по-всякому. Может, подходил бы к парням, стоящим с пивом в нашем дворе, и говорил бы:

— Вы пьете дешевое пиво, потому что у вас нет семидесяти тысяч в месяц. А я пью элитные напитки, слежу за собой и вообще я молодец. А все потому, что имею нормальные деньги.

Я бы кричал им: «Лу-у-у-у-зе-ры». Я бы писал в соцсетях про «сперва добейся» и про то, что ноют только те, кто не умеет работать и добиваться своих целей.

Но утром ведь зазвонит будильник, напомнит о том, что надо идти и зарабатывать эти семьдесят тысяч... О нет, у меня будет пассивный доход. Абсолютно пассивный доход. Я буду заниматься только тем, чем хочется. Просто ходить в магазины и на дискотеки.

Я бы... я бы... так много всего сделал. Оторвался бы от души.

Один раз я бы обязательно разменял семьдесят тысяч по пятьдесят рублей. Закрылся в своей комнатке и стал бы кидать бумажки с Санкт-Петербургом вверх, чтобы они красиво опускались на пол и на меня. Я бы уснул среди этих купюр, уснул с блаженной улыбкой на лице.

Проснулся бы затем... И что? Может, эти купюры ко времени моего пробуждения превратятся в черепки? Я вспомнил мультик советский, его часто показывали по телевизору в моем детстве. Там было про раджу, который помешался на золоте. И была антилопа, которая могла генерировать золото ударом копытца. Раджа хотел, чтобы антилопа служила только ему. В последней сцене она скакала по дворцу раджи и била копытцем. А раджа бегал за ней, хватая новорожденное золото. Вдруг он споткнулся, упал, и антилопа засыпала его золотом. Раджа уже не смог выбраться из этой огромной и тяжелой кучи. И молвил: «Хватит!» Золото, согласно предварительной договоренности, при этом слове превратилось в черепки. Раджа умер. Это очень идеалистическая сказка.

Мои деньги не превратятся в черепки. Сейчас они периодически превращаются в алкоголь, но это все-таки не черепки.

Семьдесят тысяч в месяц. А для кого-то и такая сумма смешна. Этот кто-то, послушав мои рассуждения, наверняка скажет:

— Семьдесят тысяч? Какой ты дешевый!

А вот такой. И сейчас у меня нет даже семидесяти тысяч в месяц...»

Я не заметил, как много минут я потерял за размышлениями о деньгах. Внезапно глянул на часы и понял, что почти наверняка опоздаю.

«И ладно. Специально опоздаю. Из принципа. Не всегда же быть послушным».

Таков был мой настрой.

На работе я появился на сорок минут позже назначенного. Меня тут же уведомил красномордый, что из зарплаты моей за это вычтут штраф в размере пятисот рублей. Я расстроился, погрустнел, помрачнел. Пятьсот рублей были для меня ощутимой утратой. И никакой радости от того, какой я смелый, больше не было. Даже этот крошечный бунт ударил по моему карману ощутимо.

— Черт, ничего не получается, — сказал я в пустоту.

Я подкинул ту самую потемневшую монетку, которую нашел у торгового центра пару дней назад (я ее сохранил). Снова выпал орел. Снова нужно потерпеть. Нужно — значит, нужно.

Здесь, в офисе, все-таки очень уныло. Конечно, можно даже один рабочий день расписать на восемьсот страниц, подобно тому, как это сделал Джойс в «Улиссе». На каждый час по сто страниц.

Написать модернистский роман про офис — эта идея мне показалась хорошей. В голове возникло название для этого будущего романа: «Бесконечный офис». Бесконечная книга про бесконечный офис. «Бесконечный тупик» — у одного русского писателя был такой роман. У него был «Бесконечный тупик», а у меня будет «Бесконечный офис».

В романе можно было бы рассказать про каждого, кто работает здесь, рассказать, кто чем жил, чем живет и что его ждет в будущем. Можно было бы расписать историю семьи каждого до третьего колена. Разлить по страницам поток сознания каждого. Рассказать, как я сижу и пялюсь сейчас в социальные сети, делая вид, что работаю. Рассказать...

К нам в кабинет вошла секретарша Аллочка. Принесла важные документы.

А Аллочке я уделю особое внимание в своем романе. Потому что у нее классная задница. Жаль, что она замужем.

В голове все вытанцовывалось очень даже неплохо. Но задним умом я понимал, что никогда не сяду за роман. Это бессмысленно. Слова ничего не стоят. Современное информационное общество беспощадно к литературе и к литераторам.

Вновь наступило шесть вечера. В шести вечера мне нравилось то, что оно наступало всегда, вне зависимости от того, что я делал. И я снова решил выпить. Чтобы забыть об этом досадном штрафе, чтобы как-то успокоить себя. Ведь завтра суббота, и два дня хоть трава не расти.

А что еще остается, да? Устроить себе маленький тихий праздник, пока не видят сильные мира сего..

Я пил, пил, пил. И напился до талого. Когда вышел из бара, появился Улитка Павел и увязался за мной. Он вновь что-то твердил о вреде алкоголизма. Прямо посреди улицы громко читал мне морали. Я шел не домой. Я шел куда глаза глядят.

«Интересно, а что сейчас видят прохожие? Вот идет сутулый парень, а позади него ползет гигантская улитка. Ничего странного, рутинная правда улиц, такое случается на каждом шагу».

А мне уже двадцать пять. Двадцать пять. Но я все тот же впечатлительный подросток. Подросток, который все так же думает, что кругом обман и что следует уйти в туман.

Я запоздалый инфантил. Мне уже двадцать пять.

Мама, я так и не повзрослел. Постарел, но не повзрослел.

— Не боись, — сказал вдруг Улитка Павел, — жизнь сложится. Сложится, как пасьянс. Все сложится, все сойдется.

Почему-то мне показалось, что Улитка Павел тоже пьян.

Какими-то неведомыми окольными путями я все-таки доплутал до своего подъезда. И в тот вечер радовало все то же: завтра суббота, и утром никуда не надо.

Федя выкурил еще одну сигарету. Притормозил у нужного дома. Взял одну из сумок (с надписью «Puma» на боку), дошел до второго подъезда. Повезло, оттуда вышла какая-то девушка — значит, не надо будет звонить в домофон. Итак, Федя внутри подъезда. Поднялся на седьмой этаж, оставил сумку возле двери с номером 76, нажал на

звонок и стал быстро спускаться вниз. Это было, как в хулиганском детстве. Позвонить и убежать.

На улице было по-прежнему тихо и замечательно. Все было как всегда, а где-то там, на седьмом этаже, у одной барышни круто поменялась жизнь. Прямо в этот момент.

— Ладно. Едем дальше, — сказал сам себе Федя.

Дорога до второго адреса прошла без каких-либо приключений. Все так же играл в машине шансон, все так же за окном вступала в свои права весна и таял снег.

Второй адрес, вторая сумка. Дом на этот раз был пятиэтажный, и квартира, указанная в списке Барыгина, находилась на третьем этаже.

— Зачем Барыгину это надо? Зачем отдавать какие-то сумки, каким-то, видимо, совершенно обычным людям? И почему их надо оставлять под дверью, а не отдавать лично в руки?

В Фединой голове копилось все больше вопросов, связанных со странных заданием. Он ехал по последнему адресу.

«Нет, на этот раз прежде чем отдать сумку какому-то лоху, я посмотрю, что там».

Он припарковался. Расстегнул замок-молнию на сумке с логотипом «NYKE» и ахнул. В сумке были пачки тысячных и пятитысячных купюр.

«Да здесь, наверно, с миллион рублей! Можно машину хорошую новую себе купить.

Можно съездить в какое-нибудь обалденное путешествие. Да много чего можно.

Ну ладно, я выяснил, что в сумках деньги. Что делать-то дальше? Забрать себе? Да уж, было бы здорово забрать их себе. Не отдавать неизвестно кому, а потратить как вздумается... Но Барыгин же найдет меня и яйца оторвет. Лучше поступлю как честный и исполнительный работник. Барыгин все-таки не совсем уж чужой дядя».

По сути, Федя чуть ли не впервые видел так много наличных денег. И при этом они были фактически в его распоряжении. От этой ситуации немного мутился рассудок. Федя закрыл сумку и огляделся по сторонам (не подглядывал ли кто?). Вышел из машины с сумкой, открыл багажник и достал оттуда деревянную биту. Он еще сам не понимал, зачем она ему.

«На всякий случай».

Она и лежала в этом багажнике на всякий случай.

Биту Федя засунул в сумку. Затем встал возле закрытой двери подъезда. Только-только закурил, и тут дверь открылась, вышел дед с мусорным ведром. Выбросив сигарету, Федя пробрался внутрь. В этот раз надо было подняться на пятый этаж девятиэтажки. На лифте не поехал, пошел пешком. И с каждым пролетом казалось, что сумка становится все тяжелей. И все тяжелей было с ней расставаться.

Не хочется, но надо. Федя поставил сумку перед дверью под номером 53. Вытащил из сумки биту. Звонка, относящегося к заветной двери, попросту не было, и поэтому Федя просто постучался. Затем поднялся на пролет выше — хотел увидеть того, кому достанутся деньги...

День пятый

Новый день начался нерадостно. Я проснулся около одиннадцати и ощутил суровое похмелье.

«Не надо было вчера так пить. Надо бросить пить».

Ну да, конечно. Типичные похмельные мысли. Я встал (а это было не так уж легко), прошел на кухню, чтобы попить водички. Раздался стук в дверь. Странно, ко мне редко кто приходит в гости. И уж тем более в столь ранний час. Кто это? Винни-Пух, который любил ходить в гости по утрам? Стук был настойчивый, какой-то мужской. Это было любопытно. Я подошел к двери. Повернул замок и отворил ее.

Никого. Пустота. Только перед входом стояла большая черная спортивная сумка. Что там? Котята? Я приподнял ее, она была достаточно легкой. Расстегнул «молнию», глянул внутрь. На меня смотрели деньги, много денег. Пачки пятитысячных и тысячных купюр. Это привело меня в замешательство

«Я, наверное, еще сплю. Слишком много думаю о деньгах, и вот поэтому такие сны пошли».

Я просто стоял с сумкой в руках и смотрел в нее, как завороженный. Я остолбенел и не мог соображать.

Вдруг какой-то мужик — он появился с верхних этажей — ударил меня чем-то тяжелым. Возможно, битой.

Я упал, сознание покрыла густая, пуленепробиваемая чернота...

Финал

Федя подхватил сумку, убрал биту и быстро вышел из подъезда.

«Ничего страшного. К вечеру оклемается, — думал Федя. — Я просто сорвался. Ну не мог, не мог я позволить, чтобы такие деньжищи достались такому лоху. Да у него на лице написано, что он лох! Будем считать, что этот персонаж не заслужил миллиона, потому что остался такой же соплей, никак не изменился по ходу литературного сюжета и ничего не преодолел в себе».

Последняя мысль была явным отголоском Фединого прошлого. Когда-то он учился на филфаке и даже чуть не окончил его.